

при описании значения конкретной лексики, которое, как писал Г. В. Судаков, часто берется отнюдь не из иллюстраций⁸.

Таким образом, работа над СОРЯ демонстрирует значимость принципов составления исторических словарей, разработанных Б. А. Лариным. Возникающие лексикографические вопросы и проблемы, решение которых не всегда однозначно, свидетельствуют о жизнненности ларинских идей, потому что процесс постановки таких вопросов убедительно доказывает перспективность заданных исходных положений, а поиск решений таких вопросов стимулирует научную мысль, заставляя лексикографов идти вперед.

Примечания

¹ История русской лексикографии. СПб., 2001. С. 344.

² Ларин Б. А. Значение работ академика Л. В. Щербы в русском языкознании // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. (Избранные работы). М., 1977. С. 203.

³ Ларин Б. А. Заметки о «Словаре обиходного русского языка» // Вопросы теории и истории языка. СПб., 1993. С. 8.

⁴ Сокращенные обозначения названий памятников используются в соответствии со списком условных сокращений к «Словарю обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.». Вып. 1. СПб., 2004.

⁵ См. подробнее: Генералова Е. В., Щекин А. С. По следам «вора» // Русская историческая лексикология и лексикография. Межвуз. сб. / Под. ред. О. А. Черепановой. СПб., 2008. С. 187–193.

⁶ Арутюнова Н. Д. Метонимия // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1998. С. 300–301.

⁷ Сорокин Ю. С. Что такое исторический словарь? // Проблемы исторической лексикографии / Отв. ред. Ю. С. Сорокин. Л., 1977. С. 4–27.

⁸ Судаков Г. В. Иллюстрация в историческом словаре // Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии: Материалы Всеросс. Акад. школы-семинара. СПб., 2005. С. 129–132

О. В. Васильева

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В СЛОВАРЕ ОБИХОДНОГО РУССКОГО ЯЗЫКА МОСКОВСКОЙ РУСИ³

Словарь обиходного русского языка Московской Руси реализует идею Б. А. Ларина о словаре русского средневековья. Русский язык XVI–XVII вв. — самого конца донационального периода — привлекал к себе пристальное вни-

³ Работа выполнена при поддержке Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)», проект № 2.1.3/271 «Параметры семантической характеристики слова в толковом словаре».

мание Б. А. Ларина на всем протяжении его научной деятельности. Языковая ситуация Московской Руси этого времени характеризовалась наличием двух типов единого литературно-письменного языка, значительно различавшихся между собою в лексике, грамматике и стилистике: церковно-книжного и народно-литературного. Первый был продолжением старославянского языка — древнего литературного языка славян, языка церковных книг, второй сложился в Киевской Руси на основе восточнославянской устной традиции поэтического творчества, осуществления судопроизводства, торговых сделок, дипломатических отношений. Ларинская концепция Словаря обиходного языка Московской Руси состоит в следующем. Необходимо не только выявить в текстах и подробно описать лексику и фразеологию общерусской разговорной речи, формировавшейся в XVI–XVII вв., но и постоянно учитывать при этом взаимовлияние книжного церковнославянского языка и живой разговорной речи, а также жанровое разнообразие памятников письменности, созданных на народно-разговорной основе.

Еще в Проекте Древнерусского словаря 1936 г. Б. А. Ларин писал: «Только в XVII в. на основе диалектов купечества, посадских людей, мелкого служилого дворянства и крестьянства создаются новые типы литературного языка, новые роды письменности. Обследование и разъяснение лексики именно этого периода даст историческое освещение основному составу словаря современного русского языка»¹. Излагая концепцию ДРС, Б. А. Ларин так формулировал первое, важнейшее отличие задуманного словаря от уже существовавших в то время исторических словарей: «Русский язык XV–XVIII веков не представлял единой системы, одного языка, было несколько типов литературного языка и ряд разговорных диалектов... Главным образом верхушечная, учено-книжная феодальная литература, однородная, бедная по языку, чуждая народным массам, использовалась в исследованиях и в исторических словарях. Первым и важнейшим отличием ДРС и будет расширение этих узких рамок, включение нового рода материалов... Ремесленники, торговцы, низший слой служилых людей — “посадские люди” до XVII в. не имели своей литературы и почти не участвовали в создании памятников письменности. Но в XVII в. они начинают создавать свою письменность и свой тип литературного языка, который очень заметно влияет на старый “высокий” тип»². Б. А. Ларин собирался показать в словаре «лексику делового языка, ярко отразившего все основные социальные диалекты феодальной эпохи..., язык посадских, язык крестьян, язык появляющейся в это время городской бедноты»³. Однако словарь, на подготовку которого было затрачено так много времени и сил, не был создан. Работа над ним была прекращена по распоряжению руководства Института языка и мышления, а авторский коллектив расформирован.

В конце 1950-х гг. Б. А. Ларин возвращается к идее создания словаря Московской Руси. В «Заметках о Словаре обиходного языка Московской Руси» он пишет: «Обиходный язык достаточно четко отличается от церковно-славянского. Это язык устного общения и частных деловых документов»⁴. Несколько десятилетий понадобилось ученикам Б. А. Ларина и ученикам его учеников для того, чтобы воссоздать картотеку словаря и приступить к реализации замысла. В соответствии с ларинской концепцией в задачи Словаря обиходного языка Московской Руси

входит функционально-стилистическое описание слов и выражений, характерных для источников различных жанров.

С того времени, когда Б. А. Ларин начал работу над ДРС, прошло более полувека. За это время появились новые исторические словари, которые описывают в том числе и лексику XVI–XVIII вв. Предваряя рассказ о том, как отражается стилистическая дифференциация лексики в Обиходном словаре, посмотрим, как решается этот вопрос в других исторических словарях.

В Словаре И. И. Срезневского, как известно, пометы отсутствуют вовсе. В Словаре XI–XIV вв. большой список помет, однако из стилистических употребляются только те, которые указывают на экспрессивную окрашенность слова (ласкательное, образное, уменьшительное, уничижительное), собственно стилевые пометы отсутствуют. Нет их и в Словаре XI–XVII вв. Зато они есть в Словаре XVIII в., где лексика описывается со всей возможной полнотой. Тщательность представления материала в этом словаре на уровне стилевых помет проявляется, например, в том, что для маркирования церковнославянской лексики используется не одна, а целых три пометы — *славянское*, *книжно-славянское*, *церковно-славянское*. Точно так же для маркирования народно-разговорной лексики используются три пометы — *простое*, *просторечное*, *простонародное*. Среди жанрово-характеризующих помет, наряду с такими, как *риторическое*, *поэтическое*, *научное* используются и такие, как *канцелярское*, *фольклорное*, *приказное*, *дипломатическое*. То есть и в этом, жанрово-стилевом, аспекте Словарь XVIII в. — достойнейшее произведение лексикографии. Понятно, что стилевых помет нет в словарях одного памятника (Словаре «Слова о полку Игореве» и Словаре «Моления Даниила Заточника»), как и в словарях текстов одной разновидности (Словаре русской *народно-диалектной* речи в Сибири, Словаре воронежских памятников *деловой* письменности, Словаре *промысловой* лексики). Региональные исторические словари, которые описывают лексику памятников *разных* жанров, часто также не используют стилевые пометы (Псковский и Смоленский словари). В предисловии к Томскому словарю читаем: «Стилистические пометы отражают эмоционально-экспрессивную окраску слова, *очень редко* — *сферу употребления (народно-поэтическое)* и *еще реже* — *стилевую принадлежность слова (разговорное)*».⁵ Зато в Пермском словаре⁶ маркируется *отнесенность лексики к определенной понятийной сфере*, в этом словаре используются пометы *деловое* и *церковное* наряду с пометами, указывающими на профессиональные слова.

Словарь обиходного русского языка Московской Руси относится к словарям «многоголосным». Источниками Словаря являются: 1) официально-деловые памятники (судебные кодексы, Уложение 1649 г., грамоты-указы, документы делопроизводства, отказные книги, таможенные книги, посольские статейные списки); 2) памятники частно-деловой письменности (духовные, купчие, порядные, кабальные и другие грамоты, челобитные, памятники вотчинно-поместной переписки); 3) семейная и дружеская переписка; 4) памятники, переведенные с европейских языков, в которых обозначились черты публицистического и научного стилей (Вести-Куранты, Назиратель); 5) русские повести XVII вв. (Повесть о Горе-Злочастии, Повесть о Фроле Скобееве, Повесть об азовском осадном сидении и др.); 6) русская демократическая сатира (Служба кабаку, Сказание о попе

Саве, Повесть о Карпе Сутулове и др.); 7) былины и исторические песни в записях и пересказах XVI–XVIII вв.; 8) пословицы XVII в.; 9) записи русской разговорной речи, сделанные иностранцами с помощью русских информантов и представленные в разговорниках и тематических словариках XVI–XVII вв.

Для расширения наблюдений над взаимодействием обиходно-разговорной лексики и лексики церковнославянского языка в круг источников были включены произведения разных жанров, в которых церковнославянская стихия преобладает над народно-разговорной: полемические сочинения Ивана Грозного, историческое повествование о Смуте А. Палицына, религиозно-нравственные наставления, содержащиеся в Домострое, и некоторые другие произведения.

Лексика и фразеология источников характеризуется в Словаре с точки зрения их принадлежности к определенным функционально-стилистическим пластам и в отношении эмоционально-экспрессивных коннотаций. Сосредоточим внимание на функционально-стилистической характеристике материала. Она осуществляется традиционными для лексикографии способами. Основной способ — расстановка функционально-стилистических помет. Вспомогательный — включение в толкования слов и выражений информации о сфере их использования.

В Словаре используются следующие ф у н к ц и о н а л ь н о - с т и л и с т и ч е с к и е пометы: дел. (деловое), книж.-церк. (книжно-церковное), высок.-офиц. (высокоофициальное) и флк. (фольклорное).

Их употребление в первых четырех выпусках Словаря (А–Г) представляет следующую картину. Начнем со статистики. Разумеется, что функционально-маркированная лексика (и фразеология) представлена неодинаково в разных выпусках Словаря. Однако в целом уже можно сделать самые общие наблюдения. На 5230 словарных статей интересующие нас пометы встречаются 1030 раз. И хотя маркируется достаточно часто не все слово целиком, а отдельное значение, или употребление, или фразеологическое сочетание внутри словарной статьи, в любом случае количество маркированных элементов достаточно велико. Это и понятно: все источники Словаря представляют собой жанрово закрепленные разновидности текстов, что неизбежно влечет за собой использование стилистически маркированной лексики. Помета *книж.-церк.* встречается около 600 раз, помета *дел.* 278 раз, помета *флк.* — 95 раз, помета *высок.-офиц.* — 53 раза.

Помета *книжно-церковное* в первых выпусках Словаря встречается чаще других стилистических помет. Это связано с тем, что церковно-книжная лексика занимает очень важное место в словаре русского литературного языка с самого начала его существования. Помета *книжно-церковное* выделяет лексику и фразеологию церковнославянского языка, которая отличается эмоциональной окраской и принадлежностью к письменной форме языка. Тематически эта лексика и фразеология обычно связаны с кругом понятий христианской религии, православия. (Например, встречаются такие библейские выражения, как *агнец божий*, *адамский грех*, *царствие божие*, *всеплодная жертва*.)

По происхождению здесь много греческих лексем (*авва* духовный наставник, *агарене* мусульмане, *аер* небо, *аккос*, *аксапсалом* церковные песнопения, *аллилуйя*, *антипасха*, *антифон*, *архистратиг*); собственно южнославянских слов (*алкать*, *биение*, *благо*, *вещать*, *влачить*, *враг*, *вран*, *врата*, *возгласить*, *восклатать*, *восхищенье*, *голодный*).

Известно, что старославянизмы имеют ряд морфологических особенностей. Так, например, в Словаре нам встретилось более 100 лексем с префиксом *воз-* / *вос-*, маркированных как книжно-церковные (*возвещать, возгласить, возгнущение, воздаяние, воздремать, воззрение, возлюбить, возмездие, вознестись, возопить, воскладать, восписать, воспрять, воссиять, восстенать, вострубить* и др.).

Сложные слова — другая яркая особенность церковно-книжного языка. Так, наряду с именем сущ. *благо* и прилагательным *благой* в Словаре приводится более 50 их производных (*благоверный, благовестник, благовоительство, благодарованный, благоздравие, благонароचितый, благопоспешение, благохитрый, благочинно* и др.);

более 20 производных от слова *бог* (*боголюбец, боголюбивый, богоотступник, богоспасаемый, богохранимый*);

производные от прил. *велий* (то же, что *великий*): *велегласный, велелепый, велемудрый, велеречивый* — всего в гнезде 15 слов;

слов с первым корнем *велик-* / *велич-* в источниках зафиксировано 16 (*великомученик, великомудрый, великоможный, великолюбовный* и т. п.);

слов-композигов с первым компонентом *все-*, по большей части являющихся эпитетами Бога и Богородицы (*всемудрый, всемогущий, всеильный, всенепорочная, всечистая, всецарица*) — около 40.

Что касается распределения данной лексики по жанрам, то она встречается, разумеется, в текстах Ивана Грозного, Авраамия Палицына — авторов, тяготевших к использованию элементов церковнославянского языка, но не только. Слова с пометой *книж.-церк.* активно употребляются и в других, самых разных по жанру текстах:

1) в официально-деловых памятниках (*Южные таможенные книги, Разинские дела, Акты социально-экономической истории Руси, Русско-шведские экономические отношения, Книга переписная Псковского Печерского монастыря, Статейные списки послов, Акты Кунгурские, Акты писцового дела, Дела Тайного приказа* и др.): И чтобы промежу себя и в соседстве жити любовно... и не ябедничали, и на лжи не послушествовали и чюжого не возхищали. *Уложение 1649 г.*;

2) в памятниках частно-деловой письменности (*Вкладная книга Нижегородского Печерского монастыря, Акты хозяйства боярина Морозова* и др.): И над ихъ блгородными чады над гсдремъ црвичем над кнземъ Олексеем Михайловичем и над гсдрнею црвною и великою княжною Ириною Михайловною ... [Авдотья Ярышкина] никакова зла не умышляла и не порчивала и портит никому не вливала. *Московская деловая и бытовая письменность*;

3) в семейной и дружеской переписке (*Грамотки, Источники по истории русского народно-разговорного языка, Памятники русского народно-разговорного языка* и др.): И ты [Т. И. Голицына — В. В. Голицыну] свет мой воздаи ему [Ф. Павлову] честь и подари ево хорошенко. *Московская деловая и бытовая письменность*;

4) в памятниках, переведенных с европейских языков: Наши говорили чтоб коруна шведцкая некоторые места у Варяжского моря нашим поступилися а за то бы иное воздаяние приняли. *Вести-Куранты*;

5) в русских повестях XVII в. (*Сказание о крестьянском сыне, Повесть о Савве Грудцыне* и др.): Вознес его [турецкого султана] сатана гордостью до неба, опустит его за то Бог с высоты в бездну во веки. *Повесть об азовском осадном сидении*;

6) в русской демократической сатире: Величаем ты, кабаке веселый, и чтем собину свою, ты бо лупиши с нас и велиш нам по миру скитаться. *Служба кабаку*;

7) в былинах и исторических песнях: Чуть ли выслушал глаголы сестры дуродных, и поскорешенько Никита снаряжается. *Исторические песни*;

8) в пословицах XVII в.: Всякое коренье примаи з благодареньемъ. *Симони, Пословицы* и многих других. Таким образом, мы видим, что лексика книжно-церковная употребляется в самых разных текстах, в том числе и в деловых, и в художественных.

Деловые документы представлены в Словаре большой группой памятников. Это сборники актов, судебники, отказные книги, писцовые книги, различные грамоты — по объему более половины всех текстов, послуживших источниками Словаря. Помета *дел.* отмечает слова и выражения, которые относятся к управлению страной и ее хозяйством, представляют собой административно-юридическую терминологию, характеризуют взаимоотношения человека и государства, называют документы, составленные правительственными учреждениями и частными лицами. Этой пометой выделяются также устойчивые словосочетания, образующие формуляр (обязательный набор клишированных выражений, формул) деловых текстов.

Среди деловой лексики много специализированных наречий (*безволокитно, безвыводно, безвыкупно, безвытно, безданно, безденежно, безоброчно, безобходно, безгявочно, бескабально, беспенно, беспереводно, бесповоротно, беспошлинно* и т. д.). Все эти и многие другие наречия однозначны и употребляются исключительно в деловых текстах.

У многозначных имен существительных, прилагательных и глаголов основные значения могут быть стилистически нейтральными, тогда как производные маркируются пометой *деловое*. (Деловыми являются *безделье* 5, *бесчестье* 2, *вера* 6, *взяток* 3; *бездельный* 2–4, *ведомый* 4–5, *верный* 3; *быть* 4, *вершить* 3–4, *взвести* 3–4, *въезжать* 2–3, *выимать* 4, 7, *выписать* 2–4.) Но есть и исключительно «деловые» сущ. (*ведом, ведомость* во всех четырех значениях, *вершенье* 1–2, *вспрос, вспуды, выкуп* 1–3, *выть* 1–4 и др.), прилагательные (*бескабальный, бескрепостной, бестяглый*) и глаголы (*верстать* 1–3, *верстаться* 1–3, *вступаться* 1–3, *выискаться* 1–3 и др.). Например, у сущ. *безделье* выявлены значения: 1 — праздность, 2 — пустяки, 3 — вымысел, 4 — что-л. неподобающее; и только 5-е значение — деловое: *незаконные, недозволенные поступки*: И я, иноземець, шлюся на весь Псковъ, что мой малецъ такимъ бездельемъ [лазутчеством] не промышляетъ, а ездитъ для торговли болши 5 летъ. *Псковские писцовые книги II*.

У глагола *говорить* только 11-е значение имеет помету *дел.*, но зато это значение («давать показания в суде») очень частотно в памятниках деловой письменности, как в свободном, так и в связанных употреблениях (*говорить в распросе (на очной ставке, с очей на очи, с пытки), говорить государевым словом, говорить в государевом деле*).

Деловым текстам свойственна формульность. Это явление подробно описано в монографии С. С. Волкова «Стилевые средства деловой письменности XVII века (на материале челобитных)»⁷ и в монографии Е. И. Зиновьевой «Записные кабальные книги Московского государства XVI–XVII веков»⁸. В источниках Словаря в большом количестве встречаются формулы разных документов. Так, например, формула зачина грамот (*се аз*); формула челобитных (*бить челом*), зачастую с распространителем (*бить челом и плакаться, бить челом и являть, бить челом и извещать*). Такое же расширение встречаем у делового сочетания *в бою* (*в бою и в бесчестье, в увечье, в грабеже*).

Устойчивые эпитеты — одна из ярких особенностей делового стиля. Как правило, эпитеты относятся к номинациям самих авторов челобитных и носят уничижительную окраску. Типичный эпитет просителя — *бедный*, который часто сочетается с другими (*бедный и беспомощный, бедный и беззаступный, бедный и разоренный*).

Другие устойчивые формулы деловых текстов: *наги и босы, холоп ваш, безоборочно и безданно, бессудная не в бессудную, в воду посадить (сажать, посадить, всадить), в воду бросить (вкинуть, метать (пометать)), скуден, беден и голоден, гол и голоден, голоден и холоден, умереть (помирать) голодной (нужной, студеной) смертью, поморить (переморить, уморить) голодной смертью*.

Некоторые лексемы очень частотны в деловых текстах, как в свободных, так и в связанных значениях. Например, сущ. *ведом* встречается исключительно в деловых памятниках, означает *сведения, известие о чем-л.* и имеет целый ряд устойчивых сочетаний: *подлинный ведом, быть в ведомо, учинить в ведомо, ведомом ведать, для (подлинного) ведома, с ведома, слух и ведом*.

Иногда бывает, что слово, стилистически не маркированное, в устойчивых формулах имеет исключительно деловое употребление. Например, существительное *воровство* «нарушение закона, уголовное преступление» выступает в следующих устойчивых формулах деловых документов: *воровством воровать, никаким (никоторым) воровством не воровать (воровывать, промышлять), никакова воровства не воровать (иметь), ни к какому воровству не приставать*.

Исключительно деловое бытование имеют составные наименования разных документов, например, *выписи* (*выпись дозорная, выпись оброчная, выпись отводная, выпись отдельная, выпись писцовая, выпись поручная, выпись правожная, выпись раздельная, выпись таможенная*) и грамоты (с теми же и с другими определениями).

Таким образом, мы видим, что слова и устойчивые сочетания деловой письменности весьма характерны для источников Словаря. При этом тексты, в которых встречаются упомянутые элементы, могут быть как деловыми, так и относиться к другим жанровым разновидностям древнерусской письменности — к письменности бытовой и даже к художественным текстам (среди которых преобладают памятники русской демократической сатиры). Сборниками исключительно деловых текстов являются: *Акты Соловецкого монастыря, Слово и дело государевы, Разинские дела, Акты исторические, Акты Московского государства, Русско-шведские экономические отношения, Акты Кунгурские, Столбцы печатного приказа, Акты о земских торговых делах, Акты писцового дела, Акты*

о посадских людях, Акты хозяйства боярина Морозова, Акты юридические, Южные челобитные, Судебник, Нижегородские документы, Шумаков, Акты официальные, Акты местного управления, Акты феодального землевладения и хозяйства, Псковские писцовые книги, Уложение 1649 года и многие другие; тогда как следующие источники, в которых встречается деловая лексика, не относятся исключительно к деловой письменности: *Московская письменность*, *Источники по истории русского народно-разговорного языка*, *Грамотки*, *Московская деловая и бытовая письменность*, *Памятники русского народно-разговорного языка* (это сборники бытовой письменности), либо и вовсе тексты художественные, среди которых преобладают памятники русской демократической сатиры (*Азбука о голом и небогатом*, *Повесть о Ерше Ершовиче*, *Повесть о куре и лисице*, *Повесть о Горе-Злочастии*), но есть и несатирические произведения (*Повесть об азовском осадном сидении*). Использование деловой лексики и фразеологии в сатирических текстах объясняется тем, что данные тексты носят пародийный характер и активно употребляют элементы тех жанров, которые пародируются. Что касается включения деловых лексем в художественные тексты, то таких совсем немного, и они объясняются широким распространением «деловых» значений употребляемых единиц в языке того времени (так, в Повести об азовском ратном сидении используются такие закрепленные за деловыми текстами лексемы, как *выкуп*, *голова* в значении «военачальник»).

Специально-фольклорной лексики и фразеологии в Словаре не очень много вследствие того, что фольклорные тексты составляют незначительную часть источников (былины, исторические песни, заговоры) — всего 5 сборников из 300. Помета *флк.* не ставится при многочисленных пословицах (сборник Симони и нек. др.).

Помета *флк.* сопровождает отдельные имена существительные, прилагательные и глаголы (реже наречия), а также устойчивые сочетания, традиционно употреблявшиеся в произведениях устного народного творчества (*богатырь*, *бравый*, *браный*, *богатырский*, *вальящетый*, *вполъяна*, *вполсыта*, *вымолвить*, *брат* в значении «жениться»). При этом имена существительные, как правило, содержат уменьшительно-ласкательный суффикс (*бережок*, *брателко*, *бываньице*, *всточка*, *ветерочек*, *водушка*, *возморьеце*, *воскресеньице*, *головишка*, *гусюшки*); в зависимости от семантики слова подобные суффиксы могут придавать лексеме и другую окраску, например уничижительную (*грешничек*). Из фольклорно-маркированных прилагательных многие являются составными (*белобраный*, *белодубовый*, *белокаменный*, *белохрущатый*, *воскояровый*), другие содержат, как и существительные, уменьшительно-ласкательные суффиксы (*вязовенький*). Для глаголов характерно употребление двупривставочных (*взасиять*, *воспроговорить*), с префиксом *вос-* / *вс-* (*вскликать*, *вскликнуть*, *восплакать*, *воспокаяться*, *воспокоиться*, *воссиять*, *вострубить*), с суффиксом *-ыва* / *-ива-* (*вылетывать*, *выпархивать*). Ну и, конечно, традиционно фольклорными являются устойчивые сочетания (*лебедь белая*, *братец родимый*, *буйная головушка*, *зелено вино*, *черный ворон*, *горючие слезы*, *славный град*, *гробовая доска*, *гой еси*, глагольные *слово выговорить*, *слово вымолвить*, *думушку гадать*, *говорит таково слово*, *вскричать громким голосом*), употребление традиционных эпитетов (*беда неминучая*, *руки белые*, *лицо белое*, *быстрая река*, *вода мертвая*

и живая, вольный свет, сабля вострая, высота поднебесная, горюч камень), сочетания слов с близким значением (*дани-выходы, глядючись-смотримчись, выходит-выступает*). Абсолютное большинство слов и сочетаний, маркированных пометой *флк.*, не употребляется в текстах других жанров.

Наконец, помета *высок.-офиц.* выделяет лексику преимущественно книжного употребления, по структуре часто принадлежащую к категории сложных слов. Но в отличие от книжно-церковной лексики эти слова применяются для возвеличивания светских лиц (царя, монархов других стран), центральных государственных учреждений и почтительного именованя их в официальных посланиях, договорах и других документах. Помета введена в оборот составителями Словаря Московской Руси для разграничения книжно-церковного и официального пластов лексики. Этой пометой сопровождаются такие лексемы, как:

ВЫСОКИЙ 5. *Превосходящий других по своему положению в обществе или происхождению; обладающий значительной властью.* > (Государская) высокая рука (десница). *Могущественная сила, сильная верховная власть.* Ево [русского царя] государьскою высокою рукою оборонью оборонил нас [казаков] Бог от таких великих турецких сил. *Повесть об азовском осадном сидении.*

ВЫСОКОДЕРЖАВНЫЙ. *Относящийся к могущественному, обладающему большой властью лицу.* Явите, государи, къ намъ свое высокодержавное милосердие. *Дополнения к Актам историческим.*

А также:

ВЫСОКОДОБРОРОДНЫЙ. *Имеющий знатное происхождение.*
ВЫСОКОДОСТОЙНЕЙШИЙ. *В высшей степени уважаемый, почтенный.* – В титуле.
ВЫСОКОКНЯЖЕСТВЕННЫЙ. *Принадлежащий к знатному роду, имеющий один из высших дворянских титулов.* – В титуле.
ВЫСОКОЛЮБИТЕЛЬНЫЙ. *Расположенный в чью-л. пользу, милостивый к кому-л.*
ВЫСОКОМЕСТНЫЙ. *Обладающий царским престолом.*
ВЫСОКОМОЖНЫЙ. *Могущественный, облеченный значительными полномочиями.*
ВЫСОКОПОЧТЕННЫЙ. *Пользующийся особым уважением.* – В титуле.
ВЫСОКОРОЖДЕННЫЙ. *Имеющий высокое происхождение, происходящий из знатного рода.* – Эпитет монарха.

Помета *высок.* и первый корень приведенных сложных слов, отмеченных ей (11), — один и тот же. Это только часть лексики с данной пометой, но очень показательная. В основном приведены эпитеты царей и европейских правителей. Композитам с элементами *больше-, велико-, высоко-* в обиходном русском языке XVI–XVII вв. было посвящено исследование Е. В. Генераловой⁹.

Чаще всего пометой *высок.-офиц.* сопровождаются, как это видно из приведенных примеров, имена прилагательные — характеризующая лексика. Есть также наречия (*всечасно*) и имена сущ. (*град, государь, государство* «царствование, правление», *голова, высочество, високоумство* «мудрость, ум», *высокость* «то же, что высочество 2», *высокоможство* «могущество»), отдельные глаголы (*государствовать* «царствовать, управлять страной, государством», *вручить* 3. «вверяясь, отдать себя в чью-л. власть») и даже местоимения (*вы* — в значении личного местоимения 2 л. ед. ч. *Вашего* царского величества подданного меретинского Арчила царя присланной архимандрит Макарий да дьякон Никон и дворяне вам, великому государю [Федору Алексеевичу], челом ударили. *Русско-грузинские отношения*).

Как уже было сказано, сложных слов с первым корнем *все-* в материалах Словаря довольно много, и около 40 из них сопровождаются в тексте Словаря пометой *книжно-церковное*. В то же время еще около 10 лексем такой же структуры отмечены как *высоко-официальные*. Несомненно, что композиты — принадлежность церковнославянского языка, и слова *высоко-официальные* также являются книжными словами. Следовательно, помета *высоко-официальное* указывает не на происхождение слов, а на их функционирование в текстах.

При этом некоторые слова совмещают при разных значениях обе пометы:

ВСЕМИЛОСТИВЫЙ, *прил. книж.-церк. и высок.-офиц. Щедро оказывающий милости. — Эпитет Бога, Богородицы. ... — Эпитет монархов.*

Возможно совмещение между собой и других помет, также вызванное соприкосновением сфер бытования лексики:

ГОСУДАРЬ — *дел. и высок.-офиц. Титул или в составе титула как обязательное этикетное именование монарха.*

С толь н ы й г р а д. *То же, что царствующий и г р а д. высок.-офиц. и флк.*

ВОССИЯТЬ, *сов. (9) книж.-церк. и флк. 1. О солнце. Начать сверкать, засиять.*

ВОСТРУБИТЬ, *сов. (7) книж.-церк. и флк. Издать звук, затрубить, сообщая о чем-л.*

Таким образом, мы видим, что стилистически маркированная лексика отчасти может быть довольно жестко закреплена за определенной жанровой разновидностью текстов (как лексика фольклорная и высоко-официальная), а отчасти может довольно свободно встречаться и в других текстах (что относится к лексике деловой и церковно-книжной). Так, церковно-книжная лексика очень активно осваивается деловыми текстами и текстами демократической литературы, что вызывает ее нейтрализацию, своего рода обмирщение, обусловленные органическим включением в обиходно-бытовой язык. Именно такие стилевые переходы Б. А. Ларин отмечал как новые для языка XVII в.

Функционально-стилистические пометы в Словаре обиходного языка показывают внимательному читателю, с одной стороны, как закреплена та или иная лексика за теми или иными жанровыми разновидностями текстов, а с другой стороны, как происходит взаимовлияние (и взаимообогащение) на лексическом уровне между разными стилями.

Думается, что это взаимовлияние, стилистическое взаимопроникновение, было совершенно очевидно для носителей языка, живших в XVI–XVII вв., которые понимали изначальную стилевую принадлежность и деловой, и церковно-книжной лексики. Современному читателю проследить эту стилевую динамику речи помогает использование помет в Словаре.

Примечания

¹ Ларин Б. А. Проект Древнерусского словаря (Вводная заметка) // Б. А. Ларин. Филологическое наследие. СПб., 2003. С. 595.

² Там же. С. 598.

³ Там же. С. 599.

⁴ Ларин Б. А. Заметки о «Словаре обиходного языка Московской Руси» // Б. А. Ларин. Филологическое наследие. СПб., 2003. С. 656.

⁵ Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII — начала XVIII в. / Под ред. В. В. Палагиной, Л. А. Захаровой. Томск, 2002. С. 8.

⁶ Словарь пермских памятников XVI — начала XVIII в. / Сост. Е. Н. Полякова. Вып. 1–6. Пермь, 1993–2001.

⁷ Волков С. С. Стилиевые средства деловой письменности XVII века (на материале челобитных). СПб., 2006.

⁸ Зиновьева Е. И. Записные кабальные книги Московского государства XVI–XVII веков. СПб., 2000.

⁹ Генералова Е. В. Композиты с элементами *больше-*, *велико-*, *высоко-* в обиходном русском языке XVI–XVII вв. // Русское слово в историческом развитии. Материалы секции «Историческая лексикология и лексикография» XXXVI Международной филологической конференции. СПб., 2007. С. 23–31.

Е. В. Сенько

СМЕНА ПАРАДИГМ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

«Если говорить об обогащении словарного состава, — писал Б. А. Ларин, — то на первом плане всегда были также внеязыковые факторы — появление новых идей, вещей и т. д.; язык не есть мертвая система, а напротив, одно из явлений многообразной жизни»¹. Система взглядов Б. А. Ларина способствовала будуще-